

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

ЗОТОВА Татьяна Анатольевна
кандидат культурологии,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Москва, Российская Федерация
zta91@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8899-7321>

УДК/UDC: 069(091):[069.029+712.23+635.017](47+57)"189/192"
ГРНТИ: 13.51.09
ВАК: 5.10.2.
<https://doi.org/10.36343/SB.2025.42.2.006>

К истории российской концепции «живого музея»: малоизученные природные прообразы конца XIX – первой трети XX века

Аннотация. В статье выявлены и охарактеризованы прообразы «живого музея», сложившиеся в отечественной музееведческой, культурологической и природоохранной мысли конца XIX – первой трети XX в. Рассмотрены ранее не изученные научные статьи, эссе, научные отчеты, музеографические и другие источники, созданные в исследуемый период. Основное внимание уделяется прообразам и проектам, связанным с природными объектами (парк и заповедник «Аскания-Нова», Московский зоопарк и пр.). Установлено, что наибольшим своеобразием и новаторским подходом отличается проект А. Н. Краснова по созданию ботанического сада в Батуми. Полученные автором выводы вносят значительный вклад в преодоление стереотипности современных представлений о «живом музее» как о концепции, предполагающей обязательную театрализацию музейного пространства.

Ключевые слова: музей под открытым небом, «живой музей», концепция «живого музея», история музейного дела, историография музееведения, ботанические сады, заповедники, А. Н. Краснов.

© Зотова Т. А., 2025

В российском музееведении сложилось оригинальное направление, связанное с разработкой и внедрением в музейную практику принципа «живого музея» [3] [10] [20] [21] [34]. Большинство исследователей и специалистов наделяют понятие «живой музей» собственным значением, некоторые – разрабатывают авторские определения [20] [46, с. 113–115], но эти дефиниции не противоречивы, они гармонично дополняют друг друга.

Изучением практических, исторических и теоретических вопросов в рамках данной музейной концепции автор статьи занимается на протяжении нескольких лет [17] [18]. Методологической основой исследования является деятельностная интерпретация культуры (динамическая модель), представляющая ее как творческую деятельность человека, направленную на развитие личности [28, с. 282–287]. Опираясь на эту интерпретацию, а также на историко-генетический и историко-сравнительный анализ различных идей, принципов и практик «живого музея», сложившихся в России с конца XIX в., автор разработал обобщающую концепцию и культурологическую модель популярного понятия. Согласно сформулированному определению, «живой музей» – это особый творческий подход к сохранению наследия или творческая модель музейной деятельности, не ограниченная воспроизведением культурных образцов, а направленная на создание новых культурных форм и на поиск, по выражению Д. С. Лихачёва [26, с. 52], «живого в старом». Данный подход обращается к объектам наследия, к историческим предметам (поэтому приоритетное значение в структуре понятия имеет слово «музей») и стремится максимально вовлечь их в актуальную культуру, «вернуть» в повседневную жизнь современного общества (иными словами, сделать «живыми»). Причем в основе таких проектов лежит не только творческая деятельность их создателей и посетителей, но и, по словам Н. С. Злобина, творческая деятельность [15, с. 37], актуализирующая процессуальный характер объектов культуры и наследия [18].

Востребованность музееведческой концепции и ее научного изучения связана с актуальной музейной практикой, которую следует

кратко охарактеризовать. Какие же современные музейные проекты и объекты принято рассматривать в качестве «живых музеев»? Длительную традицию имеет трактовка, согласно которой «живой музей» понимается как иммерсивная технология проектирования музейной экспозиции, позволяющая создавать интерактивные экспозиционные зоны – своеобразные историко-культурные модели (объектов, интерьеров, ситуаций и пр.), включающие музейные предметы и средства функционально-декоративного оформления [34] [35] [36]. Среди современных примеров – экспозиционная зона «библиотека блокадного Ленинграда» на выставке «Подвиг Народа» в Музее Победы (Москва), реконструкция окопов в музее-заповеднике «Прохоровское поле» (Белгородская обл.), смоделированная партизанская деревня в Центральном парке «Патриот» (Московская обл.) и др. Не менее длительная традиция связана с использованием понятия «живой музей» для обозначения объектов, выполняющих двойную функцию (музейного показа и инфраструктуры), которые входят в состав российских историко-этнографических музеев (экомузеев, экомузеев-заповедников), созданных в среде традиционного проживания малых народов (например, музея «Чолкой», Кемеровская область – Кузбасс) [21]. Актуальное развитие этой трактовки определяет «живой музей» как форму представления нематериального культурного наследия и технологию культурно-образовательной деятельности музейного учреждения [2]. Яркий образец – архитектурно-этнографический комплекс «Новая деревня» (музей-заповедник «Шушенское», Красноярский край). Большой популярностью обладает подход [20], согласно которому «живой музей» является разновидностью средового музея (к примеру, музей-заповедник «Кижы», Республика Карелия) или учреждения музейного типа (Лесной терем «Асташово», Костромская обл.). Наконец, достаточно обособленно развиваются узкие трактовки, применяющие понятие «живой музей» либо по отношению к музейным учреждениям, работающим на основе православных комплексов (монастырей, храмов) [3], либо к историческим паркам, центрам «живой истории» и народной культуры [31].

Цель настоящей статьи – выявить и охарактеризовать прообразы «живого музея» в России конца XIX – первой трети XX в., в основу которых была положена репрезентация природных объектов. Достижение данной цели позволит частично преодолеть стереотипность современных представлений о «живом музее», связанных с обязательной театрализацией музейного пространства, расширив знания о начальном этапе становления этой концепции в российском музейном деле. Следует уточнить, что автором рассматриваются в качестве прообразов исторические рассуждения, предложения и проекты, сложившиеся в отечественной мысли. Данная традиция введена рядом исследователей, ранее обращавшихся к изучению темы [20] [37] [46, с. 113–115]. Проблема исследования определяется тем, что комплексного анализа, посвященного вопросу выявления и сопоставления широкой совокупности прообразов «живого музея», ранее не проводилось, а выбор тех или иных исторических проектов обычно связан с личными предпочтениями исследователей.

В большинстве работ в качестве прямых прообразов современного концепта «живой музей» называются учения, концепции и мнения Н. Ф. Фёдорова, П. А. Флоренского, Н. К. Рериха и Д. С. Лихачёва [3] [19] [46, с. 120–146]. Следует уточнить, что концепция музеефикации Троице-Сергиевой лавры П. А. Флоренского (1918) [44] является основанием для практически любого современного исследования, изучающего особенности музейной деятельности в православных монастырях и храмах. В работах, рассматривающих практику этнографических музеев [11] [37], в качестве прообразов представляются концепции В. Н. Всеволодского-Гернгросса, ставшего создателем Государственного этнографического театра Русского музея [25], и Б. М. Соколова, занимавшегося подготовкой проекта Московского этнопарка народов СССР на базе Центрального музея народоведения в конце 1920-х гг. [38]. Однако круг прообразов «живого музея», встречающихся в публикациях дореволюционной и советской России, не ограничивается этим перечнем и содержит концепции, мнения и высказывания, существенно развивающие представления о гене-

зисе оригинального направления российского музееведения.

Выражение «живой музей», ставшее намного позже музееведческим понятием [17], оказалось достаточно расхожим для конца XIX – первой трети XX в. Автором были обнаружены многочисленные новые письменные источники, содержащие этот оксюморон в том или ином контексте (воспоминания, дневники, личная переписка, научные отчеты и доклады, философские и научные труды, музеографические источники). Их подробная характеристика занимает немалый объем текста, поэтому адресуем заинтересованных читателей к авторскому диссертационному исследованию, где подробно рассматривается данный вопрос [17].

Дизайн (план) исследования включал: проведение первичного историографического анализа, определяющего уже введенные в научный оборот прообразы «живого музея»; выявление совокупности новых источников, относящихся к тому же хронологическому периоду, что и изученные (для этого была выполнена серия поисковых запросов в каталоге Национальной электронной библиотеки); хронологический и типологический контекстный анализ источников, выявляющий основные значения (группы значений) искомого выражения; сопоставление полученных результатов с традиционными научными представлениями о прообразах «живого музея» и реконструкция начального этапа становления данной концепции в российском музееведении. Базовыми методами изучения стали интерпретация, историко-генетический и историографический анализ. Методологической основой исследования, как уже отмечалось выше, является деятельностный подход, рассматривающий концепцию «живого музея» как воплощение творческой деятельности человека (творческую модель музейной деятельности) [17]. Структура данной статьи, развернуто представляющей результаты научно-исследовательской работы, включает несколько смысловых блоков, объединенных по проблемному принципу:

- новые данные об использовании оксюморона «живой музей» в публикациях, характеризующих музейную и выставочную дея-

тельность второй половины XIX – первой трети XX в.;

- типология прообразов «живого музея» в указанный период;
- группа прообразов «живого музея» природной направленности, относящихся преимущественно к первой трети XX в.;
- наиболее оригинальный проект природного «живого музея», сложившийся в указанный период.

Внутри данных проблемных блоков рассматриваются и вводятся в научный оборот новые источники, содержащие прообразы «живого музея». Для их удобного представления используется хронологический принцип. Научная значимость исследования определяется ощутимым расширением музееведческих знаний о генезисе концепции «живого музея» в культурном контексте России конца XIX – первой трети XX в.

Итак, представим новые прообразы и начнем со случаев упоминания выражения «живой музей» в музейно-выставочном контексте второй половины XIX – первой трети XX в. В ходе исследования было выявлено наиболее раннее использование оксюморона, относящееся к 1872–1873 гг., когда автор описания Московской политехнической выставки, назвавшийся А. Н., использовал его для характеристики или оценки Туркестанского отдела [1, с. 5–6]. Особенно впечатлила автора этнографическая часть, организованная в духе обстановочных сцен с ростовыми манекенами: «Базар и улица, обстроенная лавками, наполненная живыми людьми, погруженными лишь в какой-то магнетический сон, сразу же переносили вас на далекий юго-восток, воспроизводили пред вами повседневную жизнь его обитателей» [1, с. 5–6]. Современного музееведа также бесспорно заинтересуют, что один из первых музеев под открытым небом, созданный в Великом княжестве Финляндском в 1909 г. и сегодня известный как Сеурасаари (Seurasaari), был очень точно назван «живым музеем» в докладе, сделанном учредителем Костромского научного общества по изучению местного края В.И. Болотовым [5]. Наконец, известный искусствовед Б.Н. Бухгейм, осуждая реставрационные практики, приводящие к тотальному обновлению историче-

ских находок, возвеличивал современный ему Музей в Термах Диоклетиана (Рим), где он не встретил «почти ни одной цельной статуи», как пример единственного «действительно живого музея» [6, с. 42–43].

Ограничиваясь приведением этих примеров, отметим, что анализ самых разных случаев использования искомого выражения позволил определить несколько основных прообразов «живого музея», которые предшествовали известным концепциям Н.Ф. Фёдорова [41] и П.А. Флоренского [44], оказавшим наибольшее влияние на современных разработчиков музейных концептов и методик. Предложенная автором типология прообразов «живого музея» делит их на три группы: «живой музей» как этнографическая выставка (или музей); «живой музей» как поселение или территория, где в естественных условиях сохраняются памятники и самобытная традиционная культура; «живой музей» как коллекция природных объектов, парк, сад или заповедник [17]. Последнюю группу следует охарактеризовать подробнее, так как в числе различных контекстных упоминаний, составлявших основную массу анализируемых источников, была выявлена оригинальная концепция, способная встать в один ряд со знаковыми историческими проектами и предложениями. Но прежде всего представим в хронологическом порядке прообразы, содержащиеся в небольших статьях и заметках о природных объектах, названных «живыми музеями». Они раскрывают с новой стороны культурный контекст, в котором рождались оригинальные исторические проекты «живого музея».

Одна из первых подобных публикаций, выявленных автором, относится к 1911 г. Речь идет о статье М.П. Нагибиной, посвященной планам по созданию парка на Воробьевых горах в Москве и перспективам этого проекта («...он мог бы быть мировым парком по красоте местоположения... и по тому ботаническому интересу, который он мог бы иметь для русских и иностранцев как живой музей русской флоры») [30, с. 172]. Уточним, что действительно в 1910-е гг. были начаты работы по созданию «Воробьевского парка», и на городской карте, относящейся к 1915 г., можно увидеть его расположение и наименование

[40, с. 325]. Однако в дальнейшем работы были свернуты, и только в конце XX в. на этом месте был организован природный заказник «Воробьёвы горы».

Примерно в те же годы Патриарший сад г. Владимира, созданный еще в XVIII в. и на тот момент содержащий все разновидности владимирской вишни, лирично называется «замечательным памятником» и «живым музеем», требующим спасения и ухода [4, с. 620]. Современный сад, расположенный в центре Владимира на южном склоне Спасского холма, привлекает посетителей разнообразием флоры, а также неповторимыми видами на старый город и живописную малоэтажную застройку. Как гласит информационная табличка, размещенная на его территории, история этого ботанического парка началась в 1948 г. на Всесоюзном слете юных садоводов-мичуринцев, дело которых сегодня продолжает учреждение дополнительного образования «Станция юных натуралистов “Патриарший сад”». В 2014 г. по соседству с парком был установлен арт-объект – памятник владимирской вишне (автор И. А. Черноглазов), отличающийся натуралистическим подходом и гиперболическими формами, но символизирующий плодородие и гостеприимство Владимирского края.

Одним из постоянных прообразов «живого музея» в публикациях конца XIX – начала XX в. является акклиматизационный и зоологический парк Ф. Э. Фальц-Фейна в имении Аскания-Нова (Чапли) Таврической губернии, основанный в 1898 г. Территория была названа Асканией-Нова («Новой Асканией») в честь родового имения Фальц-Фейнов. В таврическом владении на отгороженных участках целинной степи проводились работы по приручению и разведению различных животных, жили привезенные антилопы, бизоны, зебры, страусы, лебеди [22]. В результате селекционной деятельности была выведена, например, южнорусская овчарка [47]. В 1919 г. Аскания-Нова стала народным парком, в 1921 г. – государственным степным заповедником, в 1983 г. – биосферным заповедником. В 2022 г. территория была принята в состав Российской Федерации [33]. В настоящее время в естественных условиях заповедной типчаково-

ковыльной степи продолжают жить копытные, привезенные из Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки (сайгаки, лани, туркменские куланы, благородные и пятнистые олени, муфлоны, двугорбые верблюды, антилопы гну, зебры и др.). Главной гордостью заповедника являются чистокровные лошади Пржевальского.

Заповедник Аскания-Нова именуется «живым музеем» в заметке Семёнова-Тян-Шанского, перепечатанной в детско-юношеском издании «Родник» в 1914 г. [16]. В ней не указаны инициалы автора, но скорее всего речь идет о Вениамине Петровиче, сыне П. П. Семёнова, получившего дополнение к своей фамилии «Тян-Шанский». Дело в том, что есть еще одна, более поздняя статья, как раз написанная В. П. Семёновым-Тян-Шанским и посвященная начальному этапу создания сети природоохранных парков СССР. В ней образ «живого музея» был перенесен автором на национальные парки и заповедники в целом, он писал, что это – «живые музеи со всей в них строгостью музейных порядков» [39, с. 394].

Литературно-художественные образы не рассматриваются в данном обзоре, но один из них невозможно обойти стороной, тем более что он связан с Асканией-Нова. Красочная аллегория была предложена в 1919 г. известным поэтом-символистом М. А. Волошиным, назвавшим «живым музеем» не только зоологический парк Фальц-Фейна, но и городскую среду Феодосии в период Гражданской войны. Позволим себе привести его строки полностью: «Я рекомендовал сохранить один из дворцов во всей его неприкосновенности... выкрасть где-нибудь на Кавказе чету бежавших буржуев и поселить их, как Адама и Еву, в этом идеальном раю мещанства, чтобы сохранить их семейный и хозяйственный быт для наглядного сравнения с формами грядущего пролетарского рая. Большевики, занятые политической суетой и Владиславовским фронтом, к сожалению, не оценили всего социально-педагогического значения моего предложения. К счастью, приход добровольцев, которые привезли с собою всех представителей временно исчезнувшего вида, снова превратили Екатерининский проспект

в живой музей, своими богатствами и научной полнотой способный соперничать с самой Аскания-Нова» [9, с. 450].

Следует отметить, что в таврическом имении Фальц-Фейнов работал и настоящий зоологический музей. Его характеристика дается в описании заповедника, подготовленном П. К. Козловым в 1915 г. Он пишет, что «асканийский музей» находится в «отличном сухом помещении» и представляет собой «большое собрание чучел млекопитающих и птиц, погибших в зоопарке, кроме того, птиц, добытых на весеннем и осеннем перелетах... Любопытны между прочими чучела альбиносов: ласточек, воробья, коростеля... Здесь же имеется коллекция яиц страусов. Из спиртовых препаратов собраны редкие эмбрионы лошади Пржевальского, гну, антилопы сабельной, сайги, газели, кенгуру, страуса и др.» [22, с. 39]. В музее находились витрины с археологическими находками, обнаруженными при бурении (в поисках водоносного горизонта), а также велись книги посетителей, среди которых был Николай II и Александра Фёдоровна [22, с. 40], осматривавшие Асканию-Нова в 1914 г.

Возвращаясь к теме «живого музея», подчеркнем, что немало прообразов было выявлено в источниках, относящихся к 1920-м гг. В этих источниках встречается привычное восхищение природным разнообразием. Например, в отчете профессора Г. Ю. Верещагина, являвшегося в 1929 г. начальником Байкальской экспедиции Академии наук СССР, «живым музеем ископаемых форм» справедливо величается озеро Байкал [7]. Вместе с тем в публикациях указанного периода отражаются новые тенденции в советском музейном деле, связанные с разворотом музеев к современности, с отказом от традиционного понимания музейной миссии как хранения редких и ценных предметов. Можно сказать, что идея «живого музея» вполне соответствовала особой музейной эпохе, лозунги которой ярко выражены в первом выпуске журнала «Советский музей»: «Для нас музей не кунсткамера, не коллекция раритетов, не кладбище с монументами, не эстетическая галерея, наконец не закрытое собрание для немногих. Для нас музей есть политико-просветительный комбинат...» [32].

К новым формам музейной работы призывал специалист по местным музеям А. И. Филиппов, известный как создатель библиографического обзора первой советской музееведческой литературы [43]. Он популяризировал практику организации живых уголков в открытых и стационарных экспозициях местных музеев. А. И. Филиппов писал: «Мы имеем уже ряд попыток (в Соловках, Пензе, Омске, Ярославле и др.) организации подобных “живых” музеев, и можно быть уверенным, что при надлежащей энергии и любви к делу такие уголки могут быть организованы почти всеми музеями» [42, с. 83].

Профессор М. М. Завадовский неоднократно использует оксюморон «живой музей», представляя опыт и концепцию работы Московского зоопарка, которым он руководил. Выбирая наиболее интересные фрагменты из его публикации, следует процитировать следующее: «...была проведена всесторонняя пропаганда делом и... настойчивая борьба... с остатком дореволюционной трактовки Зоопарка как увеселительного летнего сада... В самом сочетании живого биологического музея с легким театральным зрелищем сквозит протестование того ценного, что таится в культурно-просветительной работе. <...> В настоящее время культпросветительная работа Зоопарка осуществляется тремя секциями нашего учреждения... Секции эти – Экскурсионное Бюро, Кружок Юных Биологов (КЮБ) и Педагогический семинарий. Все они работают на фоне живого музея, культурно-просветительная постановка которого представляет собою основное содержание деятельности Зоопарка как целого» [14, с. 15, 19].

Будет не лишним отметить, что в музейной историографии более известен его брат, Б. М. Завадовский – основатель Биологического музея имени К. А. Тимирязева. Пусть он и не использовал яркого выражения «живой музей», но о принципах его работы говорил немало в 1920–1930-е гг. В частности, он призывал музеи перестать быть «простым придатком к академиям наук», побороть фетишизацию и догматизацию «научной систематики, которая вместо подсобного орудия научного исследования, превратилась... в самодовлеющую задачу, в самоцель» [13]. Кроме

того, в практике московского биомузея было предложено несколько новаторских проектов, которые можно смело рассматривать как прототипы интерактивных музейных практик, пользующихся спросом у современных музейных специалистов и посетителей. Например, проекты типа «музей на улице», в результате которых в Москве были организованы «музей-коридор», а затем «биологический уголок» на площади Миусского сквера [45].

Еще одно экспериментальное учреждение, органично объединяющее культурную и природную тематику, а также развивающее методику массовой культурно-просветительской деятельности, функционировало в Петрограде (Ленинграде). В адресных справочниках и в музеографии «живым музеем» назывался Учебно-показательный питомник на Крестовском острове [12], устроенный в 1919 г. при Сельскохозяйственном музее. После революции руководил музеем М. В. Новорусский – известный музейный просветитель, апологет образовательной миссии музея [29, с. 405–413]. Территория для питомника была выделена в бывшем имении князя А. М. Белосельского-Белозерского. Под открытым небом проводились испытания техники, сооружались в оригинале сельские хозяйственные постройки, проходили полевые опыты. Все это являлось объектом экскурсионного показа. Деятельность питомника продолжалась до Великой Отечественной войны [8, с. 43].

В данный хронологический обзор не был включен наиболее яркий природный прообраз «живого музея», обнаруженный в процессе исследования. Речь идет о концепции, или предложениях к созданию ботанического сада в г. Батуми, сформулированных российским географом, ботаником и почвоведом А. Н. Красновым (1892–1915) [24]. Фигура этого ученого до сих пор является знаковой, ведь он – ученик В. В. Докучаева и друг В. И. Вернадского, первый доктор географии в России, пионер российского субтропического земледелия, основоположник конструктивной географии [27], ставшей одним из первых междисциплинарных научных направлений. Батумский ботанический сад, ведущий свою историю с 1912 г. и превративший «черноморские субтропики Грузии из края болот и маля-

рии» [27] в курортное место, считается живым памятником научных, творческих и творящих исканий выдающегося ученого.

В 1890-е гг. А. Н. Краснов начал ботанические и акклиматизационные работы в окрестностях Батуми, в результате которых убедился, что именно в данных местах имеет перспективу создание «уголка русской субтропической природы» [23]. В наиболее полном виде концепция этого удивительного «уголка» изложена в его статье «Возможная будущность природы Батумского края», опубликованной в 1911 г. [24]. В этой работе географ использовал искомый оксюморон, благодаря чему она оказалась в поле зрения авторского исследования. Внимательное прочтение предложений А. Н. Краснова подтвердило, что поиски других исторических проектов и концепций «живого музея» были не напрасны, и удалось обнаружить действительно многоплановый пример с природной тематикой.

Размышляя о «будущности» природы Батуми, А. Н. Краснов предложил целостную концепцию развития территории, сформулировал ее структуру, определил туристический и рекреационный потенциал своего проекта. В качестве показательного примера и образца для Батумского парка он называл шведский остров «Джургарден» (Royal Djurgarden, Королевский Югорден, остров музеев), по словам А. Н. Краснова, «живой этнографический музей среди шведской природы» [24, с. 115–116]. Название популярного острова музеев связано с существовавшими в этой области королевскими угодьями для охоты, но вовсе не историческое прошлое территорий привлекало русского географа. Скорее всего, говоря о «Джургардене», он имел в виду первый этнографический музей под открытым небом, расположенный на музейном острове в имении «Скансен». Ведь дальше он пишет, что следует смотреть «несколько шире и грандиознее» и создать в окрестности Батуми «не маленькую Швецию, а, как на всемирной выставке... представить жизнь доброй половины человечества земного шара в лице его характернейших представителей и среди настоящей обстановки воспитавшей их природы» [24, с. 116].

Говоря о возможных объектах такого всемирного парка-музея вблизи Батуми,

А. Н. Краснов видел «подобие бульвара мексиканского или чилийского города, засаженного стройными финиковыми, кокосовыми и веерными пальмами», где «в тавернах креолки угощали бы туристов ликерами из местных мандаринов, хурмы и др. субтропических плодов» [24, с. 116]. Перемещаясь по огромной территории на экипаже, туристы могли бы посетить «негритянскую хижину», «чайные японские домики с гейшами, с характерными японскими маленькими садиками», бунгало из Новой Гвинеи, где «можно бы было поместить несколько из тех недавно открытых горных карликов этого острова...», а также другие этнографические секторы, где проживали представители разных народов [24, с. 116].

Наконец, продумывая перспективы своего проекта, географ в современном духе показывал его экономическую рентабельность: «Содержание такого сада-выставки не стоило бы много. Каждый отдел окупал бы себя. <...> Продажа характерных изделий, материал для которых доставлял бы сад, с лихвою окупала бы их [жителей] труд <...> Еще более бойко пошла бы торговля ресторанов, чайных домов и кофеен. Таким образом, наша этнографическая выставка окупала бы себя и скоро покрывала бы стоимость недорогих тропических павильонов для этих народностей. Доход же от посещения сада шел бы на его чисто научные цели...» [24, с. 119]. Интересовала А. Н. Краснова возможность серьезных научных исследований природного разнообразия, собранного вместе в уникальном климате.

Остается сказать, что Батумский ботанический сад был открыт на Зеленом мысе через год после выхода его статьи, когда географ окончательно переехал в Батуми. В саду не было создано поселений, но идея акклиматизации ценных субтропических растений реализовалась полностью. А. Н. Краснов, «используя разнообразный рельеф местности, создал уникальную ландшафтно-географическую структуру, расположив климатическими ярусами более пяти тысяч растений со всего мира, заложил плантации цитрусов и чая, приживил фейхоа, хурму, инжир, гранаты, авокадо, рамс, бамбук, хинное и камфорное деревья, пинии, кипарисы, глицинии, пальмы, магнолии» [27]. При участии крупнейших садовых и цветоч-

ных фирм США, Японии, Китая, Австралии, а также знатоков и любителей флоры со всего мира, в Батумском ботаническом саду были созданы отделы Чили, Австралии и Новой Зеландии, Гималаев, в которых проводились различные акклиматизационные опыты. Своей живой научной лабораторией под открытым небом А. Н. Краснов руководил в течение двух последних лет жизни, но творческая деятельность основателя нашла продолжение в работе его последователей. Могила русского географа расположена на одной из аллей сада и является своеобразным памятником не только человеку, но и самой идее уважения к природе и науке [48]. В советское время Батумский сад превратился в один из крупнейших научных ботанических центров СССР, где работали группы ученых, занимавшихся акклиматизацией растений со всего мира. В этот период его территория была значительно обустроена, он пополнился новыми растениями из Америки, Азии, Австралии и Африки.

Обозначим основные выводы. Идеи и практики «живого музея», ставшие столь популярными в современном музейном деле, имеют длительный генезис и многочисленные исторические прообразы и прототипы. Данная тема поднималась в предыдущих работах [20] [37] [46, с. 113–115], но целенаправленно никогда не изучалась. В ходе настоящего исследования были выявлены и охарактеризованы новые проекты и идеи конца XIX – первой трети XX в. Основное внимание уделялось идеям, предложениям и проектам, связанным с созданием в России «живых музеев» природной направленности.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно впервые реконструирует и вводит в научный оборот целый пласт неизученных ранее прообразов «живого музея». Данные прообразы были выявлены в публикациях М. С. Антиповича, В. И. Болотова, Г. Ю. Верещагина, М. А. Волошина, М. М. Завадовского, М. П. Нагибиной, В. П. Семёнова-Тян-Шанского и др. Следует подчеркнуть, что все выявленные предложения, идеи, концепции не входили в число «эталонных» проектов, связанных с именами В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Д. С. Лихачёва, Н. К. Рериха, Б. М. Соколова, Н. Ф. Фёдорова и П. А. Флоренского [17].

Среди реальных природных объектов, ставших прототипами для сравнения с «живыми музеями» в конце XIX – первой трети XX в., были определены: проектируемый парк на Воробьевых горах в Москве, Патриарший сад г. Владимира, парк и заповедник «Аскания Нова» в Таврической губернии, Московский зоопарк, озеро Байкал, а также в целом природоохранные парки и «живые уголки» в краеведческих экспозициях. Поэтому ключевой особенностью новых обнаруженных прообразов является их ориентация на демонстрацию природного разнообразия. В отличие от современных идей и концептов «живого музея», часто выраженных в театрализации музейного пространства, определенные в ходе исследования прообразы были обращены к ботаническим садам, зоологическим паркам и заповедникам, где природное наследие сохраняется в своем развитии. Их создатели и популяризаторы использовали глубокий и многозначный оксюморон «живой музей» для характеристики неординарности и передового значения проектов.

Охарактеризованные прообразы объединяет убежденность в ценности природного разнообразия, важность его научного изучения и перспективность использования в просветительской деятельности, в том числе с применением новаторских приемов показа. Наиболее ценной находкой исследования стал прообраз «живого музея», сохранившийся в предложениях А. Н. Краснова по созданию

«уголка русской тропической природы» в Батуми. Насыщенный творческой энергией своего создателя, этот проект поныне вдохновляет исследователей истории ботанических парков и туристов.

В завершение следует отметить, что данная публикация обращается лишь к одному из вопросов, связанных с изучением генезиса и исторического развития концепции «живого музея» в России. Анализом многих других вопросов занимается подразделение современного Института Наследия, включающее эту тематику в свою плановую научную работу¹. В целом перспективы дальнейших исследований в области оригинальной музейной концепции намного шире, чем может показаться на первый взгляд, и определяются многочисленными теоретическими и методическими вопросами интерактивной деятельности, возникающими в актуальной музейной практике. Среди востребованных направлений – дальнейшая концептуализация понятия «живой музей» в контексте ключевых теорий в области культурологии, а также распространенных зарубежных концептов «музея без границ», «музея-контекста» и «партиципаторного музея». Не менее актуальна дальнейшая проработка ряда исторических вопросов, связанных со становлением и развитием идей и практик «живого музея» в России в период 1920–1950-х гг. [17], который содержит немало необычных и требующих осмысления проектов.

Tatyana A. ZOTOVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects),
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation

zta91@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8899-7321>

***On the History of the Russian Concept of the "Living Museum":
Under-Researched Natural Prototypes
of the Late 19th – First Third of the 20th Century***

¹ В частности, данная публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института Наследия по теме «Природное наследие в культурном контексте: оригинальные проекты музейных и парковых экспозиций с природной тематикой в современной России и проблемы их реализации» (пер. № 125021001831-0).

Abstract. This article develops a cultural model of the “living museum” concept, which is prominent in contemporary Russian museology. The model was formulated by the author, drawing upon existing interpretations of this concept and relevant examples from current Russian museum practice. The author’s long-term research, aimed at refining the conceptual and terminological apparatus of museology, is grounded in the activity-based approach (drawing on the works of Nal Zlobin, Vadim Mezhuev, and others). In Russian scholarship, a tradition has been established that traces the prototypes of the “living museum” to the theories and concepts of figures such as Vsevolod Vsevolodsky-Gerngross, Nikolai Fyodorov, and Pavel Florensky. The aim of this article is to broaden these established views by identifying and characterizing “living museum” prototypes in Russia from the late 19th to the first third of the 20th centuries that were based on the representation of natural objects. New sources from this period have been analyzed, including memoirs, diaries, personal correspondence, scientific reports, philosophical and scholarly works, and museographical materials. The research employs interpretive, historical-genetic, and historiographical analysis methods, conducted with consideration for chronological and typological systematization of sources. The article characterizes instances where various natural objects were compared to a “living museum”, as found in the publications of Vyacheslav Bolotov, Bernhard Buchheim, Mikhail Zavadovsky, Maria Nagibina, Veniamin Semyonov-Tyan-Shansky, Alexander Filippov, and others. Particular attention is paid to prototypes associated with the zoological park and nature reserve established by Friedrich Falz-Fein on his estate “Askaniya-Nova” (Chapli, Taurida Governorate, Russian Empire). The most significant finding of this research is a “living museum” prototype preserved in Andrey Krasnov’s proposals for creating a “patch of Russian tropical nature” in Batumi (the Batumi Botanical Garden). Imbued with the creative energy of its founder, this project continues to inspire researchers studying the history of botanical parks. The author concludes that, unlike contemporary ideas and concepts of the “living museum”, which are often associated with the theatricalization of museum space, the identified proposals and projects were oriented towards the idea of preserving heritage through its continuous development. The creators of botanical gardens, zoological parks, and nature reserves employed the multifaceted oxymoron “living museum” to underscore the uniqueness and progressive significance of their endeavors. Introducing these historical prototypes into scholarly discourse serves to challenge the stereotypical nature of contemporary understandings of the “living museum”.

Keywords: open-air museum, living museum, concept of the living museum, history of museum studies, historiography of Russian museology, botanical gardens, reserves, Andrey Krasnov.

Литература:

1. А. Н. Обзор Московской Политехнической Выставки 1872 года [Приложение № 1] // Всеобщий календарь 1873 г. СПб.: Изд. Германа Гоппе, [1872]. С. 1–24.
2. Абрамова П. В. Иванов Е. В. Интерактивные культурно-образовательные программы как форма актуализации наследия на базе музея-заповедника «Томская Писаница» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 63. С. 24–30. DOI 10.31773/2078-1768-2023-63-24-30.
3. Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41–2. С. 111–121.
4. Антипович М. С. Владимирская вишня // Ежегодник Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Земледелия (1913). Год 7. П.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1914. С. 588–620.

References:

1. Abramova, P.V. & Ivanov, E.V. (2023) Interaktivnyye kul'turno-obrazovatel'nye programmy kak forma aktualizatsii naslediya na baze muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa" [Interactive Cultural and Educational Programs as a Form of Heritage Actualization at the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 63. pp. 24–30. DOI: 10.31773/2078-1768-2023-63-24-30
2. A.N. (1872) Obzor Moskovskoy Politekhnicheskoy Vystavki 1872 goda [Review of the Moscow Polytechnic Exhibition of 1872]. In: *Vseobshchiy kalendar' 1873 g.* [Universal Calendar for 1873]. St. Petersburg: G. Goppe. pp. 1–24.
3. Alekseeva, L.S. & Olenich, L.V. (2017) Kontseptsiya "zhivogo muzeya" svyashchennika Pavla Florenskogo i formy sushchestvovaniya sovremennykh tserkovnykh muzeev [The Concept of the "living museum" by Priest Pavel Florensky and the Forms of Existence of Modern Church Museums]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 41–2. pp. 111–121.

5. Болотов В. И. Финляндские общества родинovedения // Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1912 год. Кострома: Типо-лит. А. Н. Чемоданова, 1913. С. 30–34.
6. Бухгейм Б. Н. По Италии [Впечатления, настроения, размышления]. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1914. 308 с.
7. Верещагин Г. Ю. Начальник Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР – о работах Байкальской Экспедиции Академии Наук СССР в 1926 году // Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. (Бурят-Монгольское научное общество им. Доржи Банзарова). Верхнеудинск: [б. и.], 1929. С. 34–35.
8. Вехов В. Н. Императорский сельскохозяйственный музей // Московский журнал. 2014. № 2 (278). С. 29–45.
9. Волошин М. А. Искусство в Феодосии (1919) [Электронный ресурс] // Очерки и статьи, опубликованные в 1917–1927. 756 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005437033/ (дата обращения: 04.09.2025).
10. Глушкова П. В. Классификация музеев под открытым небом в аспекте актуализации нематериального культурного наследия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–1 (61). С. 59–63.
11. Головнев И. А. «Живой музей» и «борьба за культурфильм» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 244–263. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-244-263.
12. Живой Сельскохозяйственный музей: [Учебно-показательный питомник Всерос. с.-х. музея]. М.; П.: Гос. изд-во, 1923. 82 с.
13. Завадовский Б. М. Методы марксистской экспозиции естественно-научных музеев (содоклад) // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т. 1. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР. Гос. учебно-педагог. изд-во, 1931. С. 41–42.
14. Завадовский М. М. Строительство Московского зоопарка. Краткая историческая справка // Строительство Москвы. 1926. № 9. С. 15–21.
15. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980. 303 с.
16. Зоологический парк Фальц-Фейна [По статье Семёнова Тянь-Шанского «Из задач природоохранения»] // Родник. 1914. № 2. С. 257–259.
17. Зотова Т. А. Концепция «живого музея» в российском музееведении: опыт культурологического анализа: автореф. дис. ... канд. культурологии: 5.10.2. Краснодар, 2024. 27 с.
18. Зотова Т. А., Поляков Т. П. Концептуальные подходы к музеефикации Оранжерейного комплекса усадьбы Горки в Музее-заповеднике «Горки Ленинские» (Московская область) // Культурологический журнал. 2021. № 4 (46). DOI 10.34685/NI.2021.45.53.028.
19. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 430 с.
20. Каулен М. Е. Музей и наследие // Музей. 2009. № 5. С. 10–19.
21. Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья на рубеже XX–XXI веков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 28. С. 31–43.
4. Antipovich, M.S. (1914) Vladimirskaya vishnya [The Vladimir Cherry]. In: *Ezhegodnik Glavnogo Upravleniya Zemleustroystva i Zemledeliya po Departamentu Zemledeliya (1913)* [Yearbook of the Main Department of Land Management and Agriculture for the Department of Agriculture (1913)]. Petrograd: V.F. Kirshbaum. pp. 588–620.
5. Bolotov, V.I. (1913) Finlyandskie obshchestva rodinovedeniya [Finnish Societies for Local Studies]. In: *Otchet o deyatelnosti Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraya. Za 1912 god* [Report on the Activities of the Kostroma Scientific Society for Local Studies. For 1912]. Kostroma: A.N. Chemedanov. pp. 30–34.
6. Bukhgeym, B.N. (1914) *Po Italii [Vpechatleniya, nastroyeniya, razmyshleniya]* [Around Italy [Impressions, Moods, Reflections]]. Moscow: I.N. Kushnerev i Ko. 308 p.
7. Verezhchagin, G.Yu. (1929) Nachal'nik Baykal'skoy Ekspeditsii Akademii Nauk SSSR – o rabotakh Baykal'skoy Ekspeditsii Akademii Nauk SSSR v 1926 godu [Head of the Baikal Expedition of the USSR Academy of Sciences – on the Work of the Baikal Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1926]. In: *Otchet o deyatelnosti s 1 oktyabrya 1926 g. po 1 yanvarya 1929 g. (Buryat-Mongol'skoe nauchnoe obshchestvo im. Dorzhi Banzarova)* [Report on Activities from October 1, 1926 to January 1, 1929 (Buryat-Mongolian Scientific Society named after Dorzhi Banzarov)]. Verkhneudinsk: [s.n.], pp. 34–35.
8. Vekhov, V.N. (2014) Imperatorskiy sel'skokhozyaystvennyy muzey [The Imperial Agricultural Museum]. *Moskovskiy zhurnal*. 2(278). pp. 29–45.
9. Voloshin, M.A. (1919) *Iskusstvo v Feodosii* [Art in Feodosia]. [Online] Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005437033/ (Accessed: 04.09.2025).
10. Glushkova, P.V. (2015) Klassifikatsiya muzeev pod otkrytym neбом v aspekte aktualizatsii nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Classification of Open-Air Museums in the Aspect of Actualization of Intangible Cultural Heritage]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1–1(61). pp. 59–63.
11. Golovnev, I.A. (2021) “Zhivoy muzey” i “bor'ba za kul'turfil'mu” Borisa Sokolova [Boris Sokolov's “living museum” and “Struggle for the Kulturfilm”]. *Etnografiya*. 3(13). pp. 244–263. DOI: 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-244-263.
12. All-Russian Agricultural Museum. (1923) *Zhivoy Sel'skokhozyaystvennyy muzey: [Uchebno-pokazatel'nyy pitomnik Vseros. s.-kh. muzeya]* [The Living Agricultural Museum: [Educational Demonstration Nursery of the All-Russian Agricultural Museum]]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 82 p.
13. Zavodovskiy, B.M. (1931) *Metody marksistskoy ekspozitsii estestvenno-nauchnykh muzeev (sodoklad)* [Methods of Marxist Exposition in Natural Science Museums (Co-report)]. In: *Trudy Pervogo Vserossiyskogo muzeynogo s'ezda* [Proceedings of the First All-Russian Museum Congress]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Narodnyy komissariat prosveshcheniya RSFSR. pp. 41–42.
14. Zavodovskiy, M.M. (1926) *Stroitel'stvo Moskovskogo Zooparka. Kratkaya istoricheskaya spravka* [The Construction of the Moscow Zoo. A Brief Historical Note]. *Stroitel'stvo Moskvy*. 9. pp. 15–21.
15. Zlobin, N.S. (1980) *Kul'tura i obshchestvennyy progress* [Culture and Social Progress]. Moscow: Nauka. 303 p.
16. *Rodnik*. (1914) *Zoologicheskiy park Fal'ts-Feyna* [The Falz-Fein Zoological Park]. 2. pp. 257–259.

22. Козлов П. К. Аскания-Нова (Чапли): Первые опыты акклиматизации животных в России. П.: Постоян. комис. нар. чтений, 1915. 43 с.
23. Краснов А. Н. Батумский край как русский уголок субтропической природы // *Землеведение*. Т. 1. Вып. (кн.) 4. М.: Геогр. отд. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1894. С. 157.
24. Краснов А. Н. Возможная будущность природы Батумского края // Батумское побережье: «Русские тропики»: сб. ст. Батум: Тип. Г. С. Таварткиладзе, 1911. С. 103–120.
25. Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея (1930–1931). Л.: [Гос. рус. музей] (тип. им. Котлякова), 1931. 8 [8] с.
26. Лихачёв Д. С. Экология культуры // *Прошлое – будущему: статьи и очерки*. Л.: Наука, 1985. С. 49–63.
27. «Любовью за любовь. Памятники русской культуры в Грузии». Андрей Краснов [Электронный ресурс] // Координационный совет российских соотечественников Грузии (КСОРСГ): [сайт]. URL: <https://korsovet.ge/ksorsg/krasnov/> (дата обращения: 07.09.2025).
28. Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 408 с.
29. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 957 с.
30. Нагибина М. П. Королевский ботанический сад в Кью // *Русская мысль*. 1911. Г. 32. Кн. II. С. 161–172.
31. Нельзина О. Ю., Окорок А. В., Поляков Т. П. Тематические парки как учреждения музейного типа: проблемы и перспективы. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2019. 287 с.
32. О задачах «Советского музея» // *Советский музей*. 1931. № 1. С. 5.
33. О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области: Федер. Конституционный Закон № 8-ФКЗ от 04.10.2022 [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210050008> (дата обращения: 28.08.2025).
34. Поляков Т. П. В поисках «живого музея»: Сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» // *Музей и новые технологии*. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 58–81.
35. Поляков Т. П., Зотова Т. А., Чувилякина Ю. В. Война и Музей: особенности экспозиционной деятельности военно-исторических музеев России на современном этапе. М.: Институт Наследия, 2025. 539 с. DOI 10.34685/NI.2024.11.99.003.
36. Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М.: Институт Наследия, 2018. 588 с.
37. Пушкарев В. Г. Культурный потенциал современного фольклорного театра: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб.: [б. и.], 2011. 24 с.
38. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3120. Л. 1–24. [Соколов Б. М. О Московском этнопарке].
39. Семёнов-Тян-Шанский В. П. Географическое изучение природы СССР // *Наука и техника СССР*, 1977. Т. 1. С. 1–10.
17. Zotova, T.A. (2024) *Kontseptsiya "zhivogo muzeya" v rossiyskom muzeevedenii: opyt kul'turologicheskogo analiza* [The Concept of the "living museum" in Russian Museum Studies: Experience of Culturological Analysis]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Krasnodar. 27 p.
18. Zotova, T.A. & Polyakov, T.P. (2021) *Kontseptual'nye podkhody k muzeefikatsii Oranzhereynogo kompleksa usad'by Gorki v Muzee-zapovednike "Gorki Leninskie"* (Moskovskaya oblast') [Conceptual Approaches to the Museification of the Greenhouse Complex of the Gorki Estate in the Gorki Leninskie Museum-Reserve (Moscow Region)]. *Kul'turologicheskii zhurnal*. 4(46). DOI: 10.34685/NI.2021.45.53.028.
19. Kaulen, M.E. (2012) *Muzeefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museification of the Historical and Cultural Heritage of Russia]. Moscow: Eterna. 430 p.
20. Kaulen, M.E. (2009) *Muзей i nasledie* [Museum and Heritage]. *Muзей*. 5. pp. 10–19.
21. Kimeev, V.M. (2014) *Ekomuzei Pritom'ya na rubezhe XX–XXI vekov* [Ecomuseums of the Tom River Region at the Turn of the 21st Century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 28. pp. 31–43.
22. Kozlov, P.K. (1915) *Askaniya-Nova (Chapli): Pervye opyty akklimatizatsii zhivotnykh v Rossii* [Askaniya-Nova (Chapli): The First Experiments in Animal Acclimatization in Russia]. Petrograd: Postoyannaya komissiya narodnykh chteniy. 43 p.
23. Krasnov, A.N. (1894) *Batumskiy kray kak russkiy ugiolok subtropicheskoy prirody* [The Batumi Region as a Russian Corner of Subtropical Nature]. *Zemlevedenie*. 1 (4). p. 157.
24. Krasnov, A.N. (1911) *Vozmozhnaya budushchnost' prirody Batumskogo kraja* [The Possible Future of the Nature of the Batumi Region]. In: *Batumskoe poberezh'e: "Russkie tropiki"* [The Batumi Coast: "Russian Tropics"]. Batumi: G.S. Tavartkiladze. pp. 103–120.
25. State Russian Museum. (1931) *Leningradskiy gosudarstvennyy etnograficheskii teatr Russkogo muzeya (1930–1931)* [Leningrad State Ethnographic Theatre of the Russian Museum (1930–1931)]. Leningrad: [State Russian Museum]. 8 [8] p.
26. Likhachev, D.S. (1985) *Ekologiya kul'tury* [Ecology of Culture]. In: *Proshloe – budushchemu: stat'i i ocherki* [The Past to the Future: Articles and Essays]. Leningrad: Nauka. pp. 52–58.
27. Koordinatsionnyy sovet rossiyskikh sootchestvennikov Gruzii (KSORSRG) [Coordination Council of Russian Compatriots in Georgia]. (n.d.) *"Lyubov'yu za lyubov'. Pamyatniki russkoy kul'tury v Gruzii"*. *Andrey Krasnov* ["Love for Love. Monuments of Russian Culture in Georgia". *Andrey Krasnov*]. [Online] Available from: <https://korsovet.ge/ksorsg/krasnov/> (Accessed: 07.09.2025).
28. Mezhuев, V.M. (2008) *Ideya kul'tury: ocherki po filosofii kul'tury* [The Idea of Culture: Essays on the Philosophy of Culture]. Moscow: Progress-Traditsiya. 408 p.
29. Eterna. (2010) *Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII–XX vekov* [Museum Thought in Russia in the 18th–20th Centuries]. Moscow: Eterna. 957 p.
30. Nagibina, M.P. (1911) *Korolevskiy botanicheskiy sad v K'yu* [The Royal Botanic Gardens, Kew]. *Russkaya mysl'*. 32 (II). pp. 161–172.
31. Nel'zina, O.Yu., Okorokov, A.V. & Polyakov, T.P. (2019) *Tematicheskie parki kak uchrezhdeniya muzeynogo*

1917–1927. Т. 3. М.: Работник Просвещения, 1928. С. 385–407.

40. Таранец И. П., Алексеева В. А. Охрана природы на Воробьёвых горах: прошлое и настоящее // Жизнь Земли. 2022. № 3 (44). С. 319–333.

41. Фёдоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч.: в IV т. Т. II. М.: Прогресс, 1995. С. 370–437.

42. Филиппов А. И. Принципы организации местных музеев // На новых путях краеведной работы: сб. ст. Л.: Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1926. С. 68–90.

43. Филиппов А. И. Русская литература по организации местных музеев и общим вопросам музееведения за десять лет революции (1917–1927). М.: Гос. изд-во, 1927. [37] с.

44. Флоренский П. А. Троице-Сергиева лавра и Россия // Троице-Сергиева лавра: [сб.]. Сергиев Посад: Тип. И. Иванова, 1919. С. 8–29.

45. Храпов П. Н. Музей на улице // Советский музей. 1931. № 4. С. 40–47.

46. Экспозиционная деятельность музеев в контексте реализации «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» / Т. П. Поляков, Т. А. Зотова, Ю. В. Пустовойт [и др.]. М.: Институт Наследия, 2021. 438 с. DOI 10.34685/NI.2020.11.84.020.

47. Южнорусская овчарка (Е. Л. Ерусалимский) [Электронный ресурс] // Архив Большой российской энциклопедии: [сайт]. URL: <https://old.bigenc.ru/agriculture/text/4931824> (дата обращения: 07.09.2025).

48. Georgia: информационный ресурс о Грузии: [сайт]. URL: https://www.gruzia.ge/pages/sights/ajara/green_sape (дата обращения: 07.09.2025).

tipa: problemy i perspektivy [Theme Parks as Museum-Type Institutions: Problems and Prospects]. Moscow: Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. 287 p.

32. *Sovetskiy muzey*. (1931) O zadachakh "Sovetskogo muzeya" [On the Tasks of the "Soviet Museum"]. 1. p. 5.

33. *Offitsial'noe opublikovanie pravovykh aktov* [Official Publication of Legal Acts]. (2022) *Federal Constitutional Law No. 8-FKZ of 04.10.2022 "On the Admission of the Kherson Region to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation – Kherson Oblast"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210050008> (Accessed: 28.08.2025). (In Russian).

34. Polyakov, T.P. (1999) V poiskakh "zhivogo muzeya": Stsenarnaya kontseptsiya sistemy ekspozitsiy "Muzeya goroda Krantsa" [In Search of the "living museum": A Script Concept for the System of Exhibitions of the "Museum of the City of Krantsa"]. In: *Muzey i novye tekhnologii* [Museum and New Technologies]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 58–81.

35. Polyakov, T.P., Zotova, T.A. & Chuvilkina, Yu.V. (2025) *Voyna i Muzey: osobennosti ekspozitsionnoy deyatel'nosti voenno-istoricheskikh muzeev Rossii na sovremennoy etape* [War and Museum: Features of Exhibition Activities of Military-Historical Museums in Russia at the Present Stage]. Moscow: Institute of Heritage. 539 p. DOI: 10.34685/NI.2024.11.99.003

36. Polyakov, T.P. (2018) *Muzeynaya ekspozitsiya: metody i tekhnologii aktualizatsii kul'turnogo naslediya* [Museum Exposition: Methods and Technologies for Actualizing Cultural Heritage]. Moscow: Institute of Heritage. 588 p.

37. Pushkarev, V.G. (2011) *Kul'turnyy potentsial sovremennogo fol'klornogo teatra* [The Cultural Potential of the Modern Folk Theater]. Abstract of Culturology Cand. Diss. St. Petersburg. 24 p.

38. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 483. Inventory 1. File 3120. Pages 1–24. Sokolov, B.M. (n.d.) *O Moskovskom etnoparke* [On the Moscow Ethnopark].

39. Semenov-Tyan-Shanskiy, V.P. (1928) *Geograficheskoe izuchenie prirody SSSR* [Geographical Study of the Nature of the USSR]. In: *Nauka i tekhnika SSSR, 1917–1927* [Science and Technology of the USSR, 1917–1927]. Vol. 3. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya. pp. 385–407.

40. Taranets, I.P. & Alekseeva, V.A. (2022) *Okhrana prirody na Vorob'evykh gorakh: proshloe i nastoyashchee* [Nature Conservation on Vorobyovy Gory: Past and Present]. *Zhizn' Zemli*. 3 (44). pp. 319–333.

41. Fedorov, N.F. (1995) *Muzey, ego smysl i naznachenie* [The Museum, Its Meaning and Purpose]. In: *Sobranie sochineniy: v 4-kh tt.* [Collected Works: In 4 Vols]. Vol. 2. Moscow: Progress. pp. 370–437.

42. Filippov, A.I. (1926) *Printsipy organizatsii mestnykh muzeev* [Principles of Organizing Local Museums]. In: *Na novykh putyakh kraevednoy raboty* [On New Paths of Local History Work]. Leningrad: Obrazovanie. pp. 68–90.

43. Filippov, A.I. (1927) *Russkaya literatura po organizatsii mestnykh muzeev i obshchim voprosam muzeeyedeniya za desyat' let revolyutsii (1917–1927)* [Russian Literature on the Organization of Local Museums and General Issues of Museology over Ten Years of the Revolution (1917–1927)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. [37] p.

44. Florenskiy, P.A. (1919) *Troitse-Sergieva lavra i Rossiya* [The Trinity-Sergius Lavra and Russia]. In: *Troitse-Ser-*

gieva lavra [Trinity-Sergius Lavra]. Sergiev Posad: I. Ivanov. pp. 8–29.

45. Khrapov, P.N. (1931) *Muzey na ulitse* [The Museum in the Street]. *Sovetskiy muzey*. 4. pp. 40–47.

46. Polyakov, T.P. et al. (2021) *Ekspozitsionnaya deyatelnost' muzeev v kontekste realizatsii "Strategii gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda"* [Exhibition Activities of Museums in the Context of Implementing the "Strategy of State Cultural Policy for the Period until 2030"]. Moscow: Institute of Heritage. DOI: 10.34685/HI.2020.11.84.020

47. *Arkhiv Bol'shoy rossiyskoy entsiklopedii* (n.d.) *Yuzhnorusskaya ovcharka* [E. L. Yerusalimskiy] [South Russian Ovcharka (by E. L. Yerusalimsky)]. [Online] Available from: <https://old.bigenc.ru/agriculture/text/4931824> (Accessed: 07.09.2025).

48. *Georgia: informatsionnyy resurs o Gruzii* [Georgia: Information Resource about Georgia]. (n.d.) [Online] Available from: https://www.gruzia.ge/pages/sights/ajara/green_cape (Accessed: 07.09.2025).

Финансирование/Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института Наследия по теме «Природное наследие в культурном контексте: оригинальные проекты музейных и парковых экспозиций с природной тематикой в современной России и проблемы их реализации» (рег. № 125021001831–0).

Financing/Acknowledgements

This article was prepared as part of the state assignment to the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, research theme "Natural Heritage in a Cultural Context: Original Projects for Museum and Park Exhibitions with Natural Themes in Modern Russia and Problems of Their Implementation", No. 125021001831–0

Потенциальный конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Disclosure

The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов

Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement

Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):

Зотова Т. А. К истории российской концепции «живого музея»: малоизученные природные прообразы конца XIX – первой трети XX века // *Наследие веков*. 2025. № 2. С. 90–103. DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.006

For citation:

Zotova, T.A. (2025) On the History of the Russian Concept of the "Living Museum": Under-Researched Natural Prototypes of the Late 19th – First Third of the 20th Century. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 90–103. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.42.2.006

Поступила в редакцию / The article was submitted 10.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.05.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 14.05.2025

Опубликована / Published 30.06.2025